

ЕЩЕ В ПОЛЯХ БЕЛЕЕТ СНЕГ,
А ВОДЫ УЖ ВЕСНОЙ
ШУМЯТ —
БЕГУТ И БУДУТ СОННЫЙ
БРЕГ,
БЕГУТ, И ПЛЕШУТ, И ГЛАСЯТ.
ОНИ ГЛАСЯТ ВО ВСЕ КОНЦЫ:
«ВЕСНА ИДЕТ, ВЕСНА ИДЕТ...
МЫ МОЛОДОЙ ВЕСНЫ ГОНЦЫ,
ОНА НАС ВЫСЛАЛА ВПЕРЕД».

Ф. ТЮТЧЕВ.

В. ОВЧИННИКОВ.

Баллада о дубе и рябине

Мимо кузны старой
И церквушки древней,
Тихоструйной Тарой
Я пойду в деревню.
Ахнет мать за дверью
Радостно, знакомо.
Лишь тогда поверю:
Наконец я дома.
С печки слезет бабка,
Разглядит, узнает.
По-сибирски сладко
Чуть попричитает.
Но греха в том нету,
Что чуть отлучился.
Я ходил по свету,
Доброму учился.
Я не стал невеждой,
Я не принял злости.
Пусть у нас, как прежде,
Соберутся гости.
За столом дубовым
Сяду с ними вместе,
Вечером лиловым
Стану слушать песни.
Ты не плачь, мамаша,
Не следи за сыном.
Спой-ка лучше нашу,
Эту... про рябину.

«Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнущаяся и качаться».

Знаю, что не стала б
Плакать да качаться.
Только как ей бедной
К дубу перебраться?

Гости дорогие,
Что же вы молчите?
Как ей перебраться,
Лучше подскажите.

Гости, хоть ты тресни,
Хоть и все с усами,
Скажут: «Это ж песня», —
Разведут руками.

Не согласен с ними.
Нет, это неверно.
С мыслями иными
Я смещен, наверно.

Нынче, не послушав
Уговоров брата
И родни толковой,
Я возьму лопату.

Не судите, люди,
Я не пьян, не болен,
Но у той рябины
Подкопаю корень.

Будет путь тот длинный
В тишине безбрежной.
К дубу ту рябину
Поднесу я нежно.

Старики напрасно
Головой качают.
Ночью лунной, ясной
Их я повенчаю.

Ветер мне сонливо
Волосы встопорщит.
На троих счастливых
В мире станет больше.

Е. РОГАЛЕВ.

А где-то...

Сквозь смех—упреки, и
Вокзалов белые огни.
И словно год тому назад:
— Не уходи! Не уходи!
Не уходи, ведь хорошо,
Когда ты здесь, когда
Здесь все твое и все мое.
...Не уходи, не уходи.
...А где-то в море корабли
Гудками силыми зовут,
А где-то там шумит тайга,
И реки подо льдом бегут.
...И ты ушел, но навсегда
Вокзалов белые огни
И молчаливые глаза:
— Не уходи, не уходи!

М. РОЖДЕСТВИН.

Тром-Аган

Треск деревьев по опушкам.
Жесткий северный мороз
Серебром залил верхушки
Сосен, елей и берез.
Солнце в рамке, солнце в
Снова нам сулит буран,
Снова станет в вихре вьюги
Мутно-белым Тром-Аган.
А умчится вьюга с ветром—
К ночи грянет тишина.
И в мороз полночь светлой
Треснет старая сосна.
Мысли вьются чередою,
И к перу спешит рука,
Чтобы свежестью ночью
Пахла каждая строка.

В уголок подушки
Носиком уткнись...

Н. БОСИКОВ.

Я шагаю
В жизнь влюбленный,
Вольно, смело, широко,
Сердце бьется учащено,
Ну, а дышится легко!
За работу
Надо взяться
И трудиться с огоньком.
Мне
Сегодня восемнадцать,
Я всем девушкам знаком!
При любой
Плохой погоде
У меня веселый вид,
И во мне,
Как в половодье,
Сила буйная бурлит!
Я готов
Рвануться к звездам,
Не сбавляя бодрый шаг.
У меня
Счастливым возрастом
И открытая душа.
Без конца хочу влюбляться
В ивы, в реки, и в цветы
Мне сегодня восемнадцать,
И со мною рядом ты!
Я в тебе
Души не чаю.
Я тебя,
Мою любовь,
Лунным светом уываю
И дарю улыбки вновь!
Я хочу,
Друзья, взобраться
На вершину счастья сам!
Мне сегодня восемнадцать,
Мир открыт моим глазам.
Перевод с якутского
А. МАРКОВА,
Б. ПОПОВА.

М. ШУЛЬГИН.

Медвежья пляска

Хотынг стонет
ласково и властно,
И нарсьях гудит
во все концы,
И торсапл звучит
над талым настом,
Как звенят в упряжке
бубенцы...
Вышел парень —
вьются кисти, ленты,
Начал он на обском берегу
Пляску старую,
Пляску старую,
словно легенда,
Пляску древнюю,
как бор в снегу!
На лице —
берестяная маска,
Но улыбка
сквозь нее видна —
Лес трясется
от медвежьей пляски,
«Выстрой,
точно обская волна!
То, как соболь,
он задрет от страха,
То легко руками
поведет,
То присядет
вдруг с размаху,
Словно птица
на весенний лед!
И никто не хмурится
здесь строго,
Снука не коснется
сердца вдруг:
Лихо,
быстро ходят в танце
ноги,
Энергичны взмахи
крепких рук...
Словно пляшут
лисы, выдры, дали,
Словно пляшут
древние леса...
Где медвежья пляска
вы видали?
Где еще увидите,
друзья?!
Перевел с хантыйского
Сергей МНАЦАКАНЯН,

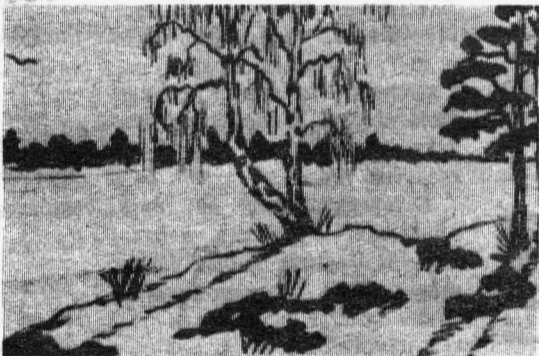
Первая проталинка

Ветер сердито прохаживался
между веревками с бельем, и за-
мерзшие, негнувшиеся простыни
громыхали, как листы жести. Вы-
ло совсем уютно представлять,
что на них кто-то ляжет или ук-
роется. И даже мысль о том, что
холод из них изгонит го-
рячий уют и простыни
станут мягкими, теплы-
ми, обнимающими, не
помогала. Слишком уж
студеный ветер застав-
лял их громыхать.

Он вздыбил шерсть на
перебегавшем воровато
дорогу одиноком коте.
Видимо, ветер забил ему
ноздри, потому что тот
вдруг остановился, ог-
лянувшись назад и жало-бно и яро-
стно мяукнул, чуть-чуть показав
розовое небо.

После короткой перебежки кот
замер в какой-то канавке, по-
очереди глядя на дорогу, на про-

ходивших людей, на густо синев-
шее над крышами домов сумереч-
ное небо, исполосованное зарей.
Потом он начал беспокойно и
жадно к чему-то прихихиваться
в канавке, но при моем прибли-
жении, дико сверкнув глазами,

боком метнулся вон. И тут я уви-
дела, что это была вовсе не ка-
навка, а проталина. Вокруг бе-
лые пышные сугробы лежат, по-
настоящему зимние, еще даже не
почерневшие, не похудевшие, а

среди них беззащитно темнеет
этот кусочек. Весь он как будто
сморщенный, мокрый, как только
что вылупившийся цыпленок;
его трава — перышки боязливо
слиплись, не могут расправиться,
набрать силу. Но земля уже ды-
шит, уже гонит соки
вверх, к солнцу, ее за-
пах и привлек кота.
«Да ведь март-протали-
ник», — радостно-остро
вспомнилось мне. Захо-
телось тоже понюхать
эту землю, выправить
слабые бурые стебельки.
А потом поняла, от ка-
кого тепла проталинка:
в этом месте проходила
труба центрального отопления.
Она-то и сделала весну, даже
не весну, а намек о ней, первую
весточку.

А БЕЛОВА.

Ироническая проза

...Длинный узкий автомобиль с потушенны-
ми фарами бесшумно вынырнул из темноты и
остановился у сберкассы. Тихо, как ночь, вы-
шли из него трое, в черных очках, в надвину-
тых на глаза шляпах. В руках первого глухо
звякнули отмычки, второй сжимал в руках во-
роненный пистолет, третий остался дежурить у
машины.

Однажды ночью

Николай увидел их сразу же, выйдя из-за
угла. Прижимаясь к стенам домов, он под-
крался сзади. Трое, настрожившись, вслушни-
вались в темноту, но потом успокоились и
сновористо продолжали свое. Николай прине-
рился и резким ударом самбо (вот когда при-
годились занятия в секции) выбил пистолет из
рук у одного, свалил с ног другого. А третий...
Третий ударил его, и Николай, теряя созна-
ние, упал.

Последним усилием воли он заставил себя

поднять голову. Бандиты, второпях забыв про
пистолет, садились в машину. Николай дотя-
нулся до оброненного оружия и, прицелив-
шись, выстрелил по колесам. Гулко хлопнули
шины. Но машина уходила.

Что делать? Что делать? И тут, как молния,
мелькнуло воспоминание. Красная неоновая
реклама тревожно звала: «При пожаре звони-
те 01». 01, 01, 01 — стучало сердце Нико-
лая, пока он бежал к будке телефона-автомата
и набирал номер.
Душераздирающий вой пожарной машины
раздался через несколько секунд, и Николай,
рывком открьвав дверцу, крикнул: «Вперед, мы
их еще догоним!» И действительно, машину
бандитов увидели сразу же, едва проехали
улицу. Вот до нее сотня метров, пятьдесят,
десять, два, полметра. Но почему-то именно
эти полтора никак не удавалось преодолеть.
Николай кулаком вышиб ветровое стекло и,
крикнув водителю: «Держи за ноги», полез
вперед, чтобы схватить убегающую машину.
И тут...

Коля открыл глаза. Он лежал поперек кро-
вати в своей спальне, а за дверью отец сер-
дито выговаривал матери: «Сколько раз тебе
говорил, не давай ребенку на ночь читать де-
теktivшину».

В. АСАДУЛИН.